

Борис
Ширяев

Никола Русский

Италия
без Колизея

Борис Николаевич Ширяев
Андрей Г. Власенко
Михаил Григорьевич Талалай
Никола Русский. Италия
без Колизея (сборник)
Серия «Русское зарубежье.
Источники и исследования»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24622735

Никола Русский. Италия без Колизея / науч. ред. М. Г. Талалай; сост.

М. Г. Талалай, А. Г. Власенко. 2-е изд., доп.: Алетейя; СПб.; 2016

ISBN 978-5-90670-524-2

Аннотация

Издается новый расширенный сборник итальянских эссе самого известного писателя «второй волны» эмиграции, прославленного книгой-свидетельством о Соловецком лагере «Неугасимая лампада», написанной им в Италии в лагерях для перемещенных лиц, «Ди-Пи». Италия не стала для Б. Н. Ширяева надежным убежищем, но не могла не вдохновить чуткого, просвещенного и ироничного литератора. Особый для

него интерес представляло русское церковное зарубежье, в том числе уникальный очаг православия – храм-памятник в Бари.

Содержание

Предисловие	7
Никола Русский	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Борис Николаевич Ширяев

Никола Русский.

Италия без Колизея

© М. Г. Талалай, А. Г. Власенко, составление, 2016

© Н. Л. Казанцев, статья, 2016

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2016

Предисловие

Имя Бориса Николаевича Ширяева (1889–1959) стало известным на рубеже XX–XXI вв., когда была переиздана огромными тиражами и разными издательствами его книга о первых годах Соловецкого лагеря – «Неугасимая лампада». Высокий литературный слог, трагическая тематика, сила «первосвидетельства» не могли не впечатлить современного русского читателя: автором заинтересовалась самая широкая публика.

Постепенно – и не до конца – стали открываться контуры прикровенной и противоречивой биографии Ширяева. О нем начали часто писать литературоведы и историки¹.

Внешние вехи его жизни таковы. Борис Ширяев родился 27 октября 1889 г. по старому стилю, в Москве, где окончил гимназию и историко-филологический факультет (некоторое время он учился и в Германии). Перед талантливым студентом, оставленном при университете, открывалась на-

¹ Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1988. С. 856; Паламарчук П. Г., Филатова А. И. Ширяев Борис Николаевич // Русские писатели, XX в.: Биобиблиогр. слов. в 2 ч. / под ред. Н. Н. Скатова. М., 1998. Ч. 2. С. 592–593; Бабичева М. Борис Николаевич Ширяев // Новый журнал (Нью-Йорк, 2001). Кн. 222. С. 187–204 (библиогр.: с. 203–204; 15 назв.); Стрижев А. Б. Н. Ширяев // «Москва», 2004, № 5; Колупаев В. Е. Русь в Риме Первом: по страницам произведений Бориса Ширяева // Наша газета (Италия), 10 янв. 2011. С. 22.

учная карьера, но началась мировая война, и 25-летний филолог ушел добровольцем на фронт, в ряды 17-го Черниговского гусарского полка, дослужившись до офицерского звания. После развала фронта Ширяев вернулся в Москву, ставшую «красной». С началом Гражданской войны, сделав свой политический и моральный выбор, он отправляется на Юг России, в Добровольческую армию. Попав в плен к «красным», был приговорен к смертной казни, однако сумел бежать – в Одессу, а затем в Среднюю Азию, где участвовал в антибольшевистском сопротивлении, а после его поражения, выданный из Ирана красноармейцам, работал надсмотрщиком табунов на азиатских пастбищах.

Ширяев однако мечтает вернуться в Россию и пробирается в Москву, но в 1922 г. снова попадает под арест с очередным смертным приговором, замененным на десять лет каторги.

Тяжкий труд в Соловецком лагере особого назначения фантазмагорическим образом соединился у него с трудом литературным. В странной атмосфере начала 20-х гг. даже в лагере выходил журнал «Соловецкие острова», где появились первые произведения Ширяева: повести «1237 строк» и несколько стихотворений («Соловки», «Диалектика сегодня», «Туркестанские стихи» и др.). Вместе с соузником литератором В. Н. Глубовским он собрал и записал лагерный фольклор, изданный отдельным сборником. В 1927 г., при «разгрузке» лагеря, каторгу заменили на ссылку – в Сред-

нию Азию, где писатель сотрудничал в нескольких газетах, преподавал в университете (Ташкентском), и со свойственным ему филологическим темпераментом изучал местную культуру. Одно свое изыскание, «Наднациональное государство на территории Евразии» ему удалось опубликовать за границей, в альманахе «Евразийская хроника», под редакцией П. Н. Савицкого (Париж, 1927, № 7). Другие очерки вышли в СССР, в журналах «Прожектор», «Огонек», «Вокруг Света» и прочих. Публиковал он и брошюры, в том числе по азиатскому искусству, самой крупной из которых стала «Кукольный театр в Средней Азии».

По окончании срока ссылки литератор возвращается в Москву, но будучи «под колпаком», снова подвергается аресту и – ссылке на три года в слободу Россошь (Воронежская обл.). По отбытии очередного срока Ширяев переселяется далее на юг, в Ставрополь, где работает преподавателем педагогического института и женится на студентке, Нине Ивановне Капраловой.

Немецкую оккупацию бывший каторжник и ссыльный расценил как возможность легальной борьбы с большевизмом: он становится редактором ставропольской газеты «Утро Кавказа» (она же «Ставропольское слово»), а затем симферопольской газеты «Голос Крыма»². Публикуя анти-

² См. *Филлимонов С. Б.* Борис Ширяев в оккупированном Крыму: новые материалы к истории коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: к 70-летию начала Великой Отечественной войны // Ма-

советские и прогерманские материалы, он ведет широкую социальную работу, добиваясь освобождения ряда военнопленных и помогая многим, иногда даже рискуя своим положением. Позднее этот драматический опыт отразился в романе «Кудеяров дуб» (1958), где поднимается большая проблема судьбы русского патриота-антикоммуниста, пошедшего на сотрудничество с немцами.

С наступлением Красной Армии литератор бежит в Берлин, а оттуда – в Белград, где в 1944 г. провел несколько месяцев. В феврале 1945 г. вместе со своей семьей он переправляется в Италию. Во Фриули, в предгорьях Альп, проживает при штабе казачьей армии генерала Доманова и в течение нескольких месяцев – до исхода казаков в Австрию – выпускает газету «Казачья земля». При наступлении союзников, в отличие от большинства казаков, он вместе с семьей остался в Италии.

Можно с уверенностью сказать, что именно в Италии Ширяев окончательно сформировался как писатель. Несмотря на постоянный страх насильственной репатриации и полуголодное беженское существование здесь, в колыбели европейской цивилизации – а к глубокому историческому фону он, филолог по образованию, был особенно чувствителен – бывший журналист ощутил и сильное литературное призвание, и собственный дар. После первого, чисто филологического труда, «Обзор современной русской литературы», вы-

шедшего по-итальянски (Венеция, 1946), он пишет свой изначальный рассказ, «Соловецкая заутреня», ставший камертоном последующей «Неугасимой лампы».

На рубеже 1940–1950-х гг. в самых различных эмигрантских изданиях – в «Нашей стране», «Русской мысли», «Часовом», «Гранях» – выходят художественные произведения Ширяева, сочиненные им в итальянских городах и весях.

В 1952 г. выходит его первая большая книга, написанная на основе самых свежих впечатлений – «Ди-Пи в Италии»; в следующем году – сборники очерков «Я – человек русский» и «Светильники Русской Земли». Еще через год, в 1954 г., нью-йоркское «Издательство им. Чехова» выпускает его самый важный труд, «Неугасимая лампа», принесший ему посмертную славу³.

Как Гоголь в Риме создал картины русской провинции в своей поэме «Мертвые души», так и Ширяев, писавший эту книгу под Неаполем, воскресил атмосферу соловецкой каторги. Об обстоятельствах и времени ее написания сообщает сам автор: окончательный текст «Неугасимой лампы» появился в конце 1940-х гг., когда он оказался в беженском лагере под Неаполем, в местечке Пагани.

В Италии эмигрант получил статус «Ди-Пи» – от *displaced persons*, «перемещенные лица» – почти забытая ныне аббревиатура, в середине прошлого века ставшая символом судьбы миллионов людей, и не только русских: после окончания

³ Из книг изд. Чехова она стала самой популярной.

Второй мировой войны и победы в странах Восточной Европы режимов сталинского образца «перемещенные лица», а по сути беженцы, предпочли потерю Родины, нежели покорность чуждому им строю. Кроме того, многие «Ди-Пи», живя прежде на оккупированной немцами территории, при приближении Красной Армии не без оснований опасались расправы за коллаборационизм – добровольный или вынужденный. Выдача этих беженцев назад, на плаху и в советские лагеря – темное пятно на «ризах» западных демократий. В Европе до сих пор неохотно говорят о драме дипийцев, в особенности, – в Италии, где в течение почти полувека в культуре доминировала левая идеология, изымавшая из истории цивилизации XX столетия все «реакционные», по ее мнению, явления.

Жизнь Ширяева в Италии протекала, действительно, не только в атмосфере непреходящей угрозы насильственной репатриации, но и постоянной борьбы с мифологизированным сознанием итальянцев, представлявших СССР «раем для трудящихся». Возможно, именно полемика с левой итальянской интеллигенцией, особенно культивировавшей тогда миф о Сталине и большевизме, подтолкнула еще сильнее Ширяева к созданию обличительного (но и высокохудожественного) повествования – книги о советской концлагерной системе.

Страшный соловецкий опыт в целом становится точкой отсчета его творчества. Даже стихотворный пространный

эпиграф к «Ди-Пи в Италии» отсылает нас к беломорскому архипелагу: «И связали вас крепкие нити / С далью прежних любимых сторон, – / Вы с трибуны отважно громите / Погубивших Россию и Трон. // В эти дни, когда с ревом и свистом / Были сорваны славы венки, / Против воли вы стали „туристом“, / Посетив, например, Соловки» (так обращался к Ширяеву его коллега по «второй волне» Д. С. Товдин). С Соловками он сравнивает лагерь для «Ди-Пи» на острове Липари близ Сицилии...

Сама книга «Ди-Пи в Италии», с подзаголовком «Записки продавца кукол»⁴, открывает нам как и уникальные обстоятельства его жизни, увязанной с малоизученной «второй волной» эмиграции, так и легкость его пера, его юмор и иронию, которые, впрочем, оставляют место для драматического и эпического жанра (на тех страницах, например, где повествуется о насильственной выдаче беженцев сталинским карателям, называемых автором «охотниками за черепами»).

Попав, после разных злоключений в неаполитанский лагерь, Ширяев, как сам признается, вытащил «счастливый билет». Среди роскошной природы, гостеприимных и веселых южан, в хорошо оборудованном лагере, где прежде стояли войска англо-американских союзников, можно было занять-

⁴ Ее называет «особенно интересной», наряду с «Неугасимой лампадой», Р. Плетнев в своей монографии «История русской литературы в XX веке» (Englewood, USA, 1987, с. 69).

ся и литературой. Конечно, беженская жизнь была скудной и ради содержания семьи он принялся за (успешное) изготовление кукол, но, тем не менее, ожидать тут, близ Неаполя, заокеанской визы было много спокойнее, а главное – имелась возможность писать. Вот как он сам сообщает об условиях своего тогдашнего творчества:

«Войдя в ворота [Помпей], я разом прыгаю через два тысячелетия и погружаюсь в мудрую тишину могилы. Я часто бываю здесь по будням. Захватываю свои тетрадки, сяду в излюбленном уголке в доме какого-то Клавдия Луция, к счастью его, давно испепеленного, и пишу свою „Неугасимую Лампаду“, горевшую в иной могиле – на Соловках. Тихо. Редко-редко донесется трескучий речитатив гида, выкрикивающего свои затверженные годами объяснения» («*Ди-Пи в Италии*»).

Пособие как беженцу и продажа кукол тогда служили единственными источниками доходов. Писатель и его семья оказались в нищенской обстановке, свидетельством чему служит текст одного письма 1952 г., опубликованный много позднее, в 1986 г.:

«Надо помочь Ширяеву. <...> Находится он в Италии – лагере Ди-Пи – до сегодняшнего дня. И, может быть, вообще безнадежно – навсегда. Дело в том, что у него – в результате Соловков и прочих советских переживаний открылся туберкулез легких. Для него он не страшен – ему больше 60 лет, но какую-либо надежду на переселение куда бы то ни было

отнимает навсегда. Пребывает он в связи с этим в состоянии полного отчаяния. У него жена и 14-летний сын. Всё то, что он пишет – не оплачивается, и они до сих пор живут на лагерном пайке и нуждаются так, что он собирает окурки. Лично от себя я послал ему пару посылок, но большего сделать я не могу. Единственным реальным способом помощи я считаю издание книги»⁵.

Что же касается главного труда жизни – «Неугасимой лампы», то его замысел вынашивался Ширяевым еще до Италии и до Пагани. Естественно, в качестве «подсоветского» гражданина он не имел никакой возможности писать о лагерях, а если и вел заметки, то, вероятно, делал это скрытно.

Общая идея соловецкого произведения со временем уточнялась: из обличения оно становилось свидетельством, согретым христианской верой. Повествование – как и другие крупные книги Ширяева – по сути дела в итоге представляет собой искусно собранную серию очерков, объединенных сквозной интонацией «сказителя» (но не историка). Для Ширяева было важным изложить именно сказание, предание, былинку – отсюда и обескураживающие порой неточности, касающиеся истории Соловков⁶ – их автор мог, при же-

⁵ Из письма В. К. Дубровского к М. С. Кингстон от 9 января 1952 г. // «Наша страна», Буэнос-Айрес, № 1853, 1 февр. 1986 г. С. 3. Речь в письме идет об издании книги «Ди-Пи в Италии».

⁶ Неточности относятся не только к Соловкам: к примеру, неаполитанца Джузеппе (Иосифа) Дерибаса автор (живший близ Неаполя!) именуется *французским* эмигрантом.

лании, устранить, будучи вхожим в папский колледж Руссикум в Риме с его богатейшей библиотекой. Следовательно, и читателю книги следует, вероятно, подходить к ней с другой меркой, как к литературе не о жизни, а о житии, в центре которой – коллективный «Угодник Божий», Святая Русь. Главный пафос книги, сформировавшийся уже позднее, в эмиграции – это вера в сокровенную родину, сберегшую свою былинную красу и мощь. Как некий Китеж, она укрылась при победе Третьего Интернационала, ведомого врагами страны – внешними и внутренними, но Святая Русь – по вере Ширяева – воскреснет вместе с «белым» царем во главе.

Стремление к агиографическому жанру присутствует и в мелочах, даже в «подписи»: в конце книги автор ставит особую географическую траекторию: «Соловки – Капри», с острова несвободы – на остров неподцензурного творчества (не было ли здесь и вызова Горькому, писавшему на Капри вольные, но левацкие тексты и ставшему в итоге прославителем Соловков и прочих атрибутов большевицкого режима?). При этом названия места, где реально писалась «Лампада» – Пагани – автор явно избегает, не желая неприятных ассоциаций.

В Италии уточнились и политические воззрения Ширяева, патриота и монархиста. Оттачивает он и свой публицистический дар: под эгидой «Русского собрания», литератор основывает в 1946 г. периодический орган «Русский

клик». Журнал первоначально размножался гектографическим способом в лагере беженцев в Риме, а затем стал издаваться в виде типографской брошюры. «Русский клич» по замыслу был непартийным изданием и ставил своей задачей объединение русских людей в тяжелых условиях эмиграции, однако постепенно стал журналом монархическим. При нем существовал большой литературно-художественный кружок и проводились поэтические и прозаические конкурсы. Ширяев вошел также в правление «Российского народно-монархического движения», созданного И. Л. Солоневичем в Аргентине. В целом он необыкновенно много и неутомимо пишет, как будто в «подпитке» от могучего культурного слоя страны.

В Италии, наконец, Ширяев сделал и «выбор веры». Его переход в католичество не раз подвергался критике в его собственном стане, и поэтому на страницах книги «Ди-Пи в Италии» об этом важнейшем для автора духовном событии нет ни единой строчки. Однако читателя деликатно «подводят» к обоснованию подобного решения: это описание и духовных сокровищ Западной Церкви, и гуманизма католического клира, и благоговейные образы русских католиков в Риме. Вне сомнения, Католическая Церковь сыграла большую роль во время скитаний семьи Ширяевых по Италии. Его знакомый, В. Орехов в некрологе прямо пишет: «Свое спасение, *благодаря помощи итальянского католического духовенства* (курсив наш), он описал в повести „Ди-Пи в

Италии“»⁷. Католическая вера вновь затронула и поэтические струны его души: он вновь пишет стихи – на сей раз переводы гимнов Франциска Ассизского, небесного покровителя Италии. Сборник религиозно-литературных эссе Ширяева и стал его последней, посмертной книгой, выпущенной католическим издательством «Жизнь с Богом» («Религиозные мотивы в русской поэзии», Брюссель, 1960).

Парадоксально: вся книга «Ди-Пи в Италии» повествует о драматической битве автора за право уехать из Италии, что в итоге ему и удается: он уезжает в Америку, вслед за сыном. Однако проходит несколько лет, и Ширяев при первой возможности сюда возвращается. Здесь же, в предместье милого курортного городка Сан-Ремо, на берегу Лигурийского моря, и закончился земной путь каторжника и изгнанника, еще одной жертвы ушедшего века, сумевшей, однако, своим творчеством победить палачей и гонителей: 17 апреля 1959 г., в два часа пополудни, на улице Борго Опако, № 74, в предместье Сан-Ремо, писатель скончался.

Его вдова уехала в Америку, к сыну⁸. Согласно их распоряжению могила Бориса Николаевича на городском кладбище Армеа не может быть упраздненной, даже если ее никто и

⁷ «Часовой» (Брюссель), июнь 1959 г., № 399. С. 19.

⁸ Попытки установить связь с потомками и наследниками Ширяева не закончились ничем. Имя Лоллия Борисовича Ширяева обнаружили среди списков волонтеров, ушедших воевать во Вьетнам в середине 60-х гг. – так был силен антикоммунистический дух, усвоенный сыном от отца.

не посещает⁹ – как нельзя упразднить и написанные им книги о драмах русского народа.

* * *

Многочисленные художественные и публицистические эссе Ширяева, которые он широко публиковал в различных эмигрантских изданиях, никогда не были собраны под одной обложкой. Из их многообразия публикатор отобрал только те, которые имеют прямое отношение к Италии, а также к судьбам русских беженцев на Апеннинах, к числу которых принадлежал и автор. Он и сам подумывал о такой публикации, не раз обозначая внизу своих статей: *Из книги «Италия без Колизея»*. Однако при жизни писателя его замысел не осуществился...

Идея сборника возникла во время переписки с главным редактором старейшей эмигрантской газеты «Наша Страна» Николаем Леонидовичем Казанцевым, которому выражаем нашу искреннюю благодарность, в т. ч. за специально написанный биографический очерк (см. Послесловие). В сотрудничестве с Н. Л. Казанцевым, А. Г. Власенко проделал долгий и кропотливый труд по выявлению публикаций Ширяева и по их подготовке к печати.

В 1950-е гг. в Америке вышли две главные книги писа-

⁹ О могиле писателя см. *Талалай М. Г.* Российский некрополь в Италии. М.: Старая Басманная, 2015. С. 786.

теля: «Ди-Пи в Италии» (Буэнос-Айрес, 1952) и «Неугасимая лампада» (Нью-Йорк, 1954). Эти книги уже опубликованы на родине их автора. Теперь к ним прибавляется третья, прежде нигде не изданная.

Первое издание, составленного нами совместно с Андреем Власенко, «посмертного» сборника итальянских эссе Бориса Ширяева – «Италия без Колизея» – вышло в 2014 году.

Всё так же с А. Власенко мы подготовили еще один сборник писателя, на сей раз, посвященный исключительно русской литературе. Во время новой работы пришлось еще раз поразиться исключительной плодовитости и эрудиции автора, а также его неиссякаемому патриотизму. Одновременно литературоведческий сборник отразил весьма цельное мировоззрение Ширяева, который направил свой талант критика на выявление всего светлого, жизнеутверждающего и созидательного у русских писателей и поэтов, подвергнув критике всё, по его мнению, растлевающее, болезненное и разрушительное. Такая ясная линия подсказала общее название новой «посмертной» книги, по одной из статей, – «Бриллианты и булыжники». Ширяев-критик оказался также необыкновенно внимателен к современной ему советской литературе (которую, подчеркивая ее подневольный характер, называл, как и многие в русской эмиграции, «подсоветской») и, особенно, к творчеству «второй волны», с которой был связан единой дипийской судьбой – но при этом, будучи в ней «старшим», оставаясь культурно и эстетиче-

ски более близким к «волне первой». Книга «Бриллианты и булыжники» вышла в самом начале 2016 г. в издательстве «Алетейя», взявшей в последние годы трудную роль извлечения творчества Ширяева из небытия.

Собирая тексты для этой книги и тщательно работая далее над его наследием, мы нашли ряд редких эссе про Италию, прежде нам неизвестных, так что сборник «Италия без Колизея» теперь стал намного шире, и его второе издание получило новое название: «Никола Русский» (по открывающей его статье и по одной из постоянных забот автора – о русском храме-памятнике в Бари).

Остается приятная задача – выразить благодарность помогавшим нам во время работы над книгой людям: это – Андрей Мартынов (Москва), Марина Моретти (Сан-Ремо), Стефания Сини (Милан), о. Вячеслав Умнягин (Москва-Соловки).

*Михаил Талалай.
Милан, март 2016*

Никола Русский

– Видишь эту икону? Вон ту, с темным ликом, в серебряной ризе с золотыми кружочками по краешку? Это наша, семейная, родовая... Давно она у нас. С каких времен – сама не знаю. А только с прапрадедушкой твоим, Николаем Петровичем, секунд-майором, под Измаилом она была. Это верно. Когда пошли наши на штурм бусурманской крепости, твой прадед на шею ее себе поверх мундира надел, милости Николы Заступника себя поручил. И уберег его Святитель Русский: залез прадед твой на стену, а янычар ему в грудь копьем наметил. Замахнулся уже, но увидел лик Угодника, устранился, копье свое бросил и убежал. Поэтому и золотые кружки по краям оклада, а наверху, видишь, крест? Это орденский крест, за взятие Измаила, а кружки – пуговицы с прадедова мундира. Они позолоченные были. Теперь пообтерлись, конечно. Много времени прошло... А риза – из турецкого серебра, какое в Измаиле взяли. Прадед твой, как вернулся из похода, тогда и отлить ее приказал, пуговицами украсил и награждение свое, государыней дарованное, Святителю принес.

– Прими, Заступник, не мне эта честь, а тебе, твоею помощью басурман низвержен.

Так рассказывала мне моя бабушка, обыкновенная русская бабушка, какие в каждой семье были, есть и будут. В

каждой. Разница в них лишь в том, что одни были в букольках и чепцах, а другие – в полинялых темных платках на седых космах. Есть они и теперь, ибо они неистребимы, так же как неистребимо само наше прошлое, которое они несут в себе и бережно хранят.

Была такая бабушка и у Пушкина. О ней много писали, и ее имя знают. Были такие и у его михайловских мужиков. О них ничего не писали и их не знают. Но так же повествовали они о неистребимом, неугасимом прошлом, то скорбном и страшном, то радостном, светлом и благостном. И так же, как я в те годы, слушали, слушают и будут слушать их внучата.

Извечна возлюбленная в нашей юности, извечна и бабушка в нашем детстве.

Я слушал ее и видел – так ярко, как это бывает только в детские годы – и секунд-майора, махающего блестящей шпайгой, и страшного, огромного янычара с тяжелым копьем... А между ними... Седенького старичка, заслонившего собой грудь прадеда... Видел...

А бабушка плела дальше свое тихоструйное кружево.

– ... Первый год, как я за деда твоего замуж вышла – мама твоя еще не родилась, – страшнейший пожар приключился. Загорелось в овине, в овинах тогда еще хлеб сушили. Потом и на строения пламя перекинуло. Дым – ничего не видать. Все, как обезумели: орут, кричат без толку. Скотина ревет по дворам. Столпотворение! Крыши-то соломенные тогда были – от них огненные «галки» летят... ветер...

– Под Твою милость, Чудотворец, прибегаем! Оборони!

Взяла я тогда этот образ из кивота и стала с ним насупротив ветра.

– Оборони, Святитель, Заступник!..

– И что ж ты думаешь? – зацветало улыбкой лицо бабушки. – Не попустил! Заступил Угодник! Дымом, меня душит, искрами палит, а я стою... Капот от искры затлеет, – отряхну, приглушу ладошкой и стою.

Глядь, и ветер назад повернул. Стихать стало. А я всё стою. Так и миновалось. Услышал меня Чудотворец и приспел с помощью.

В редкой русской семье не хранилось таких преданий о чудесах, совершенных Угодником Мирликийским, и в редком доме, хоромах или избе не было его иконы.

Эти предания тянулись крепкими нитями из прошлого в современность, крепили связь меж веками – единство жизни и истории русского народа. Нет числа этим преданиям. Они всюду, в каждом углу Руси. В каждом городе и в каждой глухой деревушке есть свой собственный сказ о чуде Святого Николы.

Древнейший из них, вероятно, Киевский, о Николе Мокром, связанный с первым на Руси храмом, воздвигнутым в начале XII века в честь вросшего в русскую жизнь Чудотворца.

Ватагу рыбаков на Днепре застала буря. Ветер ревет, хлещет дождь. Сорваны паруса, сломано правило, да и как упра-

вить им по таким волнам? Спасение только в чуде.

Погибающие рыбаки взмолились тогда к тому посреднику между Господом и людьми, весть о котором в те годы едва лишь достигла Руси – к Николе Чудотворцу. И видят: стал у сломанного руля седенький старичок и повел их ладью к берегу по ревающим волнам... А ветер бушует, дождь всё хлещет и струями стекает с лица старичка.

Привел. Спаслись. И в память спасения воздвигли храм, а в нем образ Заступника, такого, каким видели они его во время бури – правящего рулем, залитого дождем и брызгами волн, мокрым.

Этот образ погиб при одном из разгромов Киева, но церковь стояла и хранила свое имя Николы Мокрого до наших дней. Сохранилась ли она теперь, при разгроме Киева – не знаю¹⁰.

Никола Угрешский, Никола Можайский, Никола Белевский, Тихвинский, Устюжский... Сколько храмов его имени воздвигнуто на Святой Руси? И каждый из них хранит не одно, но множество преданий о совершенных Святителем чудесах.

Современный человек с размельченной, затертой, как монета, душой, иссушенной и обескровленной всевозможными «измами», утратил силу для живого представления о чуде, хотя жадно рвется к нему, тоскует о нем. Не случайно же в

¹⁰ Древний киевский храм Николы Набережного с чудотворной иконой «Никола Мокрый» сохранился (Почайнинская ул.).

атеистическом Париже – десять тысяч всевозможных «чудотворцев», «ясновидящих» и гадалелей...

Это парадоксально, но наиболее яркие проявления веры в чудо Господне мне приходилось видеть теперь в СССР. Там эта вера еще живет в людских сердцах. Быть может потому, что именно там, в безысходности социалистического быта, творящиеся и в наши дни чудеса заметнее, ярче, чем в тусклой, сытной обывательщине Запада.

* * *

Восприятие духовного образа святого Николая Мирликийского религиозным сознанием русского народа глубоко уходит в историю. Его корни близки ко времени освобождения честных мощей Святителя из плена захвативших Ликийские Миры сарацин¹¹ – к одиннадцатому веку. Празднование дня их прибытия в город Бари было установлено киевским митрополитом Ефремом, возглавлявшим русскую Церковь с 1089 по 1098 г., следовательно, всего через десять-пятнадцать лет после совершения этого благочестивого дела, чрезвычайно быстро в условиях передвижения и связи того времени.

В молитвословном песнопении Православной Церкви это

¹¹ В момент увоза мощей святителя из Мир турки (не «сарацины») еще не взяли город, однако угрожали всей Ликии; захват города произошел спустя два года, в 1089 г.

событие запечатлено словами: «Радуется светлый град Барийский и с ним вся вселенная ликует».

Характерно и то, что празднование этого события 9 мая на Руси было всецерковным, в Италии же оно лишь местное, Барийское, а греческою Православною Церковью этот день совершенно непочитаем.

Но и эта дата еще не исток восприятия Русью духовного облика Мирликийского Чудотворца. Из четырех дошедших до нас записей очевидцев перенесения мощей в город Бари (где они находятся и по сей день) три написаны по-латыни и одно по-русски, примерно, тем же языком, как и слово о полку Игореве. Подписи нет.

Кто же его автор? Кем был этот человек, находившийся на южном берегу Адриатики и вполне, литературно, по тому времени, писавший по-русски? Как мог он попасть туда и не он ли, вернувшись на Русь, принес живую весть о благочестивом подвиге барийцев, произведшую столь сильное впечатление на киевлян, что день этого подвига был утвержден, как всецерковный праздник?

Вряд ли автор этой записи был духовным лицом. Русского духовенства, тем более высоко грамотного, было тогда еще мало в самом киевском княжестве, и эти немногие ученые монахи и священники не могли отлучаться от епархии на продолжительные сроки – слишком были они нужны в ней самой и по всей, еще полуязыческой в глухих углах Руси.

Вернее будет предположить, что автор этого документа

был, подобно творцу «Слова о полку Игореве», интеллигентом-дружинником, возможно даже, что обрусевшим норманном-варягом. Таких в тот век было немало. По последним изысканиям советских литературоведов, «Слово о полку Игореве» было впервые исполнено, как песенный сказ, на свадьбе князя Владимира Игоревича и Кончаковны в 1187 г. Вероятно, и слагалось оно ко дню этого торжества, как тогда было в обычае и у русских (баян) и у варягов (скальды). А раз автор готовил столь художественное произведение, но не трафаретную пиршественную песнь, следовательно, и аудитория была близка к нему по ее культурному уровню.

Мог ли такой интеллигент-дружинник попасть тогда в Бари?

Разберемся в обстановке того времени. В Киеве в те годы княжили ближайшие потомки Ярослава Мудрого, одна из дочерей которого была выдана замуж за варяжского викинга, позже норвежского короля Гаральда Гардграда. Этот викинг служил сперва в дружине Ярослава и лишь ради соискания любви пленившей его сердце русской княжны устремился к подвигам за морем, как это было в обычае того времени. Пробыв недолго на службе Византийского императора, он повел, самостоятельные морские операции в районе Сицилии и южной Адриатики.

– Я город Мессину в разор разорил... – пишет о нем Алексей Толстой и имеет к тому подтвержденные Карамзиным основания, кроме чего в Норвегии сохранились стихи-песни

самого Гаральда, посвященные Ярославне.

В Сицилии в то время сформировалось норманнское государство конунга Гискара, в сферу которого входил и крупный в то время торговый порт Бари. Древние сицилийские хроники сообщают о наличии в войсках Гискара варягов, племени Русь, отличавшихся большой храбростью.

Очень вероятно, что некоторые дружинники Гаральда Гардграда и других, шедших тем же путем через Киев и Византию викингов, могли осесть в родственной им среде сицилийских норманнов. Некоторые из них могли и вернуться в блистательный тогда Киев, как вернулся тогда туда после своих морских походов сам Гаральд Гардград:

Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной...

Не одним ли из таких удалцов была составлена русская запись о перенесении честных мощей Чудотворца? Не был ли и он сам обрусевшим варягом, участником этой действительно героической экспедиции, совершенной только одним кораблем, напавшим на потрясавших Византийскую империю сарацин и разгромившим важный для них город – Мира Ликийские?

Так это было или не так, но ясно, что почва для религиозного восприятия облика Святителя Николая была уже подготовлена в Киеве и что этот облик его был глубоко бли-

зок и родственен духовному строю Руси того времени. Только в силу этого, событие, произошедшее в отдаленной стране, могло быть так горячо воспринято в Киеве, так быстро утвердиться в русской среде как всехристианское торжество.

Какие же черты многогранной, всесторонней, безмерно одаренной Господом души Святителя Мирликийского были столь близки русской народной душе? Какие стороны его земной жизни и деятельности затронули созвучные им струны мироощущения людей иной уже эпохи, иной страны, иного исторически-бытового уклада?

Святой Николай был в земной своей жизни византийцем эпохи смены идейного строя современного ему общества. Античный эллинизм умирал. В Афинах доживала свои последние годы уже утратившая свои творческие силы академия. Пустели храмы древних богов. Эстетические идеалы отмирали и на смену им мощной волной шли новые, этические представления.

Были ли они однородны в своем составе, в своей сумме?

Конечно, нет. Слово Христа, комплекс идей, внесенных в сознание античного мира апостолами и первоучителями христианства, воспринимался и преломлялся различно, в зависимости от духовного строя и темперамента прозелитов, их быта и расовых черт. Нервозный, склонный к фанатизму сириец устремлялся к аскетическому подвигу, приносил свое тело полностью в жертву духу, становился пустынноником, постником, столпником и даже самоистязателем. Вы-

росший в традиции организованной государственности римлянин делал первые попытки обобщения Церкви с Государством. Прimitивный, но действенный германец нес на служение новому идеалу свой меч.

* * *

Византия, бурно разрасталась тогда в мировой культурный центр и, в силу этого, в ней скрещивались все течения новой идеологии. Разномыслие (ереси) было неизбежно. Столь же неизбежна была и борьба между группами разномыслящих, и эта борьба обострялась тем, что Византийский император был главой всего Средиземноморского культурного мира. Вовлечение его в свое идеологическое русло было равносильно полной победе.

В этой сфере земная личность св. Николая, епископа Мир Ликийских, выражалась в качестве мощного и самоотверженного борца за истинное понимание Слова Христа и самой сущности Богочеловека.

Его противник Арий нес по существу лишь новую форму видоизмененного античного идеала, подменяя Богочеловека старым культом обожествленного человека, сверхчеловека, Прометея, победившего дряхлый Олимп.

Борьба с ним была очень трудна для св. Николая. На Никейском Вселенском Соборе единомышленники Ария составляли большинство. За ними стояла мощная придворная

партия, порой и сам колебавшийся император. Пережитки античного культа обожествления человеческой личности были базой этой сильной группы еретиков.

Только безмерная, поистине боговдохновенная энергия и невероятная сила укрепленного Господом духа, помогли Мирликийскому епископу отстоять истину Слова Христа на первом Вселенском Соборе.

Такова одна сторона земной жизни святого Николая.

Но его жития показывают нам и другую – тихую, скромную, но столь же великую и прекрасную – любовь к человеку, творческую, действенную, христианскую любовь к нему.

Живший позже блаженный Августин писал: «Кто говорит, что он любит человечество, тот не любит человека». Эту глубокую и подлинно христианскую истину св. Николай выражал повседневной деятельностью среди своей паствы, при соприкосновении с императорской властью и в чудесах, дарованных Господом по его молитве.

Помощь ближнему, «одному из малых сих», защита угнетенных и оскорбленных, насыщение голодных, исцеления болящих и страдающих, утешение страждущих и скорбящих, спасение невинно осужденных, заблудшихся, погибающих в хаосе стихий – такова другая сторона земной жизни св. Николая, угодника Божьего и Чудотворца.

При чтении в его житии о множестве совершенных им чудес ясно видна их общая направленность и общий внешний характер: все эти чудеса абсолютно лишены того, что на

нашем вульгарном современном языке называется эффектом, театральностью. Сравним их с ветхозаветными чудесами Моисея. Там цель чудес обоснована племенным эгоизмом, почтенным, но не благостным чувством, пафосом борьбы, стремлением распространить на окружающих свою личную волю.

Ничего подобного мы не видим в чудесах, сотворенных св. Николаем, Угодником Божиим. В тягчайшие, острейшие моменты своей борьбы за святость истины он несет всю тяжесть этой борьбы сам, но не молит Господа о подкреплении себя чудом, не испрашивает его для себя.

Он просит Бога о чуде только для других, «малых сих», для тех, кому своей человеческой силой он помочь не может.

– Ниспошли *на них*, Господи, Святую Волю Твою!

– Помоги *им*, Господи, ибо сам я не в силах помочь. Помоги алчущему, страждущему, скорбящему, убогому, униженному и угнетенному... Помоги *человеку*.

* * *

Какая же из двух этих сторон земной жизни и творческой деятельности св. Николая ближе, роднее и созвучнее духовному строю русского народа?

Он, русский народ, ответил на это сам теми эпитетами, которыми наделил имя Угодника.

Никола Утешитель, Никола на водах спаситель, Никола

Милостивый, Никола Заступник, Никола скорый помощник, Никола Радости...

Какою близостью, родственной теплотой звучат даже такие, непонятные при первом взгляде названия церквей, как Никола Мокрый, Никола в Сапожках... Ведь эти «сапожки» были мечтой многих, очень многих лапотников, недостижимой их мечтой, и в этом наивном эпитете слышна их радость при виде обутого в эту «мечту» любимого Святителя. Я не знаю, есть ли подобные, дышащие интимной близостью, названия греческих церквей, но в Италии я таких не встречал.

В описаниях чудес, совершившихся в русской земле по молитве Николе Угоднику, звучат те же ноты его любви к «малым сим», помощи обессиленным, облегчения угнетенных. Никола Угодник в представлении русского народа прежде всего таков: он покровитель бездомных, странников и заблудшихся путников, он спаситель от гнева стихий, огня и воды, утишитель бурь, он покровитель и помощник в тягостном труде, утешитель в скорбях, заступник грешников перед Господом, разрешитель гнетущих сомнений и в обобщении всех этих ипостасей – заступник земли русской, ее людей, всех вместе и каждого в отдельности.

Глубочайший знаток души русского народа Н. С. Лесков не раз дает на страницах своих произведений яркие, правдивые до последнего слова иллюстрации этой части русского религиозного мышления. Измученная пыткой старуха Пло-

домасова¹², не чая ниоткуда помощи, молится именно ему, Скорому Помощнику, зовет его, и уверенная в его помощи, торопит его приход:

– Поспешай, поспешай! – кричит она, ощущая всем своим духом его близость.

И чудом или «случаем» он приходит.

Насквозь русский «Очарованный странник» всей своей русской душой обижается на очень симпатичного и нужного ему в тот момент башкирца за «обделение» Николы Угодника пожертвованием. Он оскорблен этим в своем национальном достоинстве.

Многие, очень многие русские крестьяне не верили даже священникам, говорившим, что св. Николай был грек, а не русский.

Никола Милостивый, Никола Заступник был близок и родственен им, но они не знали и не представляли Святителя Николая в образе грозного воителя, устрашающего и поражающего еретиков. Тот же Лесков вкладывает это понимание лишь в речь самодура-купца, требующего изображения св. Николая, «заушающего Ария» и тут же он опровергает эту неподтвержденную легенду словами профессора-богослова.

Не в силе Бог, а в правде! Не силой своей, не гневом, но верою в истину победил Святитель еретика!

¹² Персонаж повести Лескова «Старые годы в селе Плодомасове».

В этом [1952] году мне удалось выполнить давнишнюю мечту – побывать в г. Бари, поклониться мироточивым мощам Чудотворца на месте их упокоения.

Я приехал туда вечером 8-го мая, как раз к началу знаменитой на всю Италию традиционной морской процессии.

Современный Бари, красивый, элегантный городок, обрамляющий своей широкой набережной одну из красивейших бухт Адриатики. К этой бухте уже подвигалась процессия. Впереди выступали конные герольды в средневековых живописных костюмах. За ними, высясь над толпой, колыхалась огромная статуя Святителя, одетая в тяжелую, вызолоченную парчу, блистая митрой архиепископа. В ее руке высокий, изогнутый вверху посох – символ власти, почти никогда не изображаемый на русских иконах св. Николая. Нести эту статую могут только природные барийцы, и право на эту честь закреплено за древними почетными родами города.

Далее многолюдный сонм духовенства, монахи различных орденов в черных, белых, коричневых, алых сутанах, ряды религиозных, благотворительных и общественных корпораций со своими знаменами, детские религиозные организации, то в белых костюмах украшенных голубыми и розовыми лентами, то с ангельскими крылышками, то девочки в длинных кисейных платьях с фатами «Христовых невест». Еще

далее толпы нарядных горожан и резко разнящихся от них по внешности пришедших из деревень богомольцев.

Хоругви, светильники, факелы, огромные букеты цветов на длинных вызолоченных шестах...

Процессия подходит к расцветченному лучами множества прожекторов заливу. Там ее ждет ярко иллюминированная и столь же пышно украшенная барка.

* * *

Два десятка барийских церквей ударяют во все колокола. Несколько оркестров, расположенных на набережной, гремят торжественным хоралом. В небо взлетают и рассыпаются в нем сотни ракет.

Барка принимает на палубу статую и реликвии. Она тихо плывет по искрящейся глади залива и за ней сотни лодок, яхт, катеров. С них также взлетают радужные ракеты, фонтаны искр, слышится треск петард...

Я был потрясен, оглушен, поражен, но в этих потоках, каскадах, волнах, в этом потоке красок и звуков я вспомнил о другом...

... крестном ходе в тот же день 9-го мая в селе Никольском, на реке Вязовне. Там была только одна небольшая темная икона св. Николы, украшенная для этого дня холстинным суровым полотенцем, с вышитой крестиками каймой. Только один священник, седенький, прихрамывающий отец

Василий, да рыжий дьячок Александр Павлович шли во главе крестного хода... Нужно ли рассказывать вам, русский читатель, о тех, кто шел за ними тогда, по зацветавшему лугу реки Вязовни, мимо березового перелеска, вдоль весенних, бледных еще всходов овса и уже взявшихся за силу, оживших озимей?

Шла Русь. Шла и молилась своему Заступнику. Так молилась вся она, как не молился ни один человек в раскинувшейся передо мной блистательной и громозвучной процессии на берегу роскошного залива, воспетой всеми поэтами мира Адриатики.

На следующее утро столь же торжественно и величаво звучал орган в огромном романо-византийском соборе. Под его строгими сводами, под тяжелыми серебряными паникадилами над ракой святого струились трели звонких голосов Ватиканских певчих...

Весь город был праздничен. На площадях толпились продавцы иконок, статуэток и медальонов с изображением Чудотворца. Около входов в храмы стояли его пышно одетые статуи, картины, изображающие сотворение им чудес. На перекрестках улиц – алтари и огромные макеты причудливого корабля викингов, привезшего в Бари мощи Святителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.